

Говорят, что писатели, о чем бы они ни писали, пишут о себе. Прочтите их книги, и вы узнаете о них все. И я бы сказала: прочтите произведения Александра Беззубцева-Кондакова, а потом мы о нем поговорим. Но это было бы с моей стороны лукавством: попробуй найди его книги, если печатались они тиражами от двухсот экземпляров до трех тысяч. И то благодаря спонсорам, или, как, наверное, предпочел бы сказать Саша, благотворителям. Сашей он себя называет позволяет, хотя, наверное, ему больше импонирует взрослое — Александр, пусть пока и без отчества.

Александру Беззубцеву-Кондакову 18 лет. Первый его роман о Петре I "Имперская муза" (330 страниц в твердой обложке, издательство "Художественная литература", СПб, 1996 г.) был закончен четыре года назад. Далее — роман "Светлейший князь", рассказы, эссе, критические статьи. На столе — готовый роман о Распутине "Три черных смута". На машинке — "Ранний ангел", главный герой которого Илья Репин.

...Небольшая комната кажется узкой от книжных полок. На свободных лоскутах стен — картины. Очень разные. Рядом с реалистическими стогами сена чистый сюр: сквозь запутанные линии глядят множество пугающих глаз. Не верится, что написаны эти работы одной рукой. Александр пожимает узкими еще плечами: "Настроение бывает разным".

Молодая улыбчивая Сашина мама подает кофе. Марина Михайловна — доктор технических наук, отец Саши — моряк, сейчас он в море, бабушка — юрист, бабушка — химик. Родители хотели, чтобы он пошел в технику, но, как говорит Александр, литературу не выбираешь, это она тебя выбирает.

Он не помнит, когда это произошло, наверное, сразу же после рождения. Но прекрасно помнит, как в 12 лет пришел во Дворец творчества юных в литературный клуб "Дерзание", которым руководит писатель Виктор Кречетов. Саша принес с собой папку с рукописями, среди которых был очерк "Слово о русской религии".

"...Очерк я прочитал... И тем самым обрушил на себя решительную критику собратьев по перу. Виктор Николаевич тоже внес сильную лепту... Печать сосредоточенности и отрешенности на лице, взгляд пристальный и в то же время ускользающий; видит, кажется, всегда больше, чем кто-либо другой. И в этом тайно видящем взоре, и в тихой, но уверенной речи, и даже в твердой, таранящей походке Кречетова запечатлены и сила духа, и независимость характера, и ранимость поэтической души..." (Из статьи "Виктор Кречетов", 1995 г.) Вот таким он увидел человека, который стал его первым литературным наставником.

нул кулаками по столу: "Хочу вернуться в свой дом!" И — вернулся. ... Однажды вечером я шел берегом реки. Был июль. В траве возле тропинки я нашел монету с потемневшей от времени надписью "1 копейка серебром 1841"... Подумалось вдруг, что эту монету мог оборонить и мой прадед, и тот далекий предок, имени которого я не знаю, но который первым пришел в эти края, где теперь, как ныне говорят, историческая моя родина. Как редко удается бывать тут, — но чем реже приезжаю, тем кажется неразрывнее связь... и тем сильнее моя любовь к сему краю..." ("Копейка серебром", 1997 г.). Когда Александру исполнилось 16, к отцовской фамилии Беззубцев он прибавил

Илья. — 1998. — 11 лет. — с. 11.

ОНА ЕГО ВЫБРАЛА

Саше повезло — он сразу попал в среду людей таких же, как он, понимающих, что это такое, когда литература тебя выбирает.

— Если ты пишешь, то неважно, сколько тебе лет. Ты теряешь право на любительство. В чем свобода самовыражения? Я думаю, в том, что часто принимают за работу: следование традиции. А ведь она открывает самые большие горизонты, самое большое пространство.

Пространство жизни у Александра — это Петербург, дом в районе новостройки. Аничков дворец, где собирается клуб "Дерзание", старинные аудитории Педагогического университета — он студент факультета социальных наук — и глухая деревня Загорье.

"... На Загорском кладбище похоронен мой прадед, в честь которого я назван Александром. Загорский дом прадеда отстроил в 1924 году. Когда зачинались колхозы, дом отобрали. Дед навсегда распрощался с домом... В шестьдесят восьмом году деду сообщили, что дом в Загорье продается. Дед стук-

фамилию матери и деда — Кондаков...

В комнате его нет телевизора, компьютера, магнитофона.

— Я чрезвычайно далек от всего этого. Вот мой мир, куда не вторгается даже радио. Времени нет: работаю в две смены. Первая — в университете, вторая — здесь. Рабочий день — примерно 15 часов.

Об этом Александр говорит без жалости к себе и без гордости собой — как о деле простом и обыкновенном. И я не удивляюсь, что ему приходится столько работать: исторический роман не напишешь

"из головы". Сколько приходится читать, чтобы изучить эпоху! А если "перескакиваешь" через века — от Петра к Распутину, потом к Репину?

— Лет восемь назад я начал писать сразу несколько вещей. Постепенно из одного зерна вырос роман о Меншикове, из другого — о Распутине, сейчас очередь Репина.

"... Русская история никогда не вершилась рукой хладнокровного человека. Отсюда эти неистовые "взмахи побед и разгрома". Бесполезно отыскивать в прошлом нашей страны примеры разумной власти, разумного могущества. От славы к бесславью, от могучего монарха к безвольному — Россия переходит

свое прошлое.

Для Александра, судя по всему, это так и есть: вещи его не интересуют. Разговоры о шмотках, гоноарах, марках автомашин его раздражают. Зато о литературе, истории, судьбах страны он готов говорить, забывая о времени, кидаясь в спор с горячностью, казалось бы, неорганичной для такого серьезно и сдержанного по виду человека.

— О вкусах не спорят? Когда говорим о каких-нибудь пирожках, то — да. Но о литературе... Если человек читает книгу "Мент поганый" можно ли молчать? Говорят: мы живем трудно, нам нужно отвлечься, а Достоевский тяжел...

Ему самому нравятся Белов, Бондарев, Крупин, Распутин, Личу-

тин. — Александр, вопрос очень трудный: поиск смысла жизни в юности многих приводит в отчаяние. Зачем жить, если смысла нет? — Когда умный, образованный человек занимается математикой или биологией, он переживает этот период с мучениями, но переживает и забывает. Пишущий же, однажды попав в эту ловушку, выбраться из нее не может. Это уже не проблема юности, это проблема всей жизни — горишь и не сгораешь...

— Это трудно. А какие еще трудности для себя вы предвидите?

— Писатель сейчас не нужен, люди ориентированы на деньги, а не на духовные ценности. Другая трудность: человек вызывает огонь на себя, заявляя — я русский, я патриот. А я говорю это. И не боюсь, что на меня навесят какие-нибудь клички.

Полина СОЛОВЕЙ.

P.S.

Эти несколько слов — не для юных дарований, а для их родителей. Надеюсь, что даже из этой короткой беседы ясно, какой человек Александр Беззубцев-Кондаков. Его характер, взгляды, книги могут нравиться или не нравиться, но они у него есть. В свои 18 он — вполне сложившийся человек, образованный и необыкновенно трудолюбивый. Как это получилось?

"Даже когда ему был год, я не считала, что он не понимает того, что понимаю я, — отвечает на этот вопрос Марина Михайловна. — Мы с ним всегда так и разговаривали. А он всегда шел правильно. И еще у нас в семье каждый делает для другого то, что может. Я писала докторскую — все помогали. Сейчас все делаем для Саши".

Как, оказывается, просто...